

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Неприятный разговор с бабушкой. — Мама беспокоится. —
Джек идёт по горячим следам. — Странная находка
в кабинете профессора Енотова. — Таинственное
исчезновение Ивана Гермогеновича.*

В тот час, когда мама накрывала белой скатертью стол, а бабушка резала хлеб к обеду, и произошли эти очень странные, удивительные, невероятные события. Именно в это время Карик и Валя уже летели высоко над городом в неизвестный мир, где поджидали их необыкновенные приключения.

— Вот и обед, — ворчливо сказала бабушка, — а ребята где-то собак гоняют. И где они — ума не приложу!.. Никогда не приходят вовремя... Раньше, когда я была маленькой...

— Ах, — сказала мама, — они и не завтракали даже. Голодные, наверно, как волки.

Она подошла к открытому окну, легла на подоконник.

— Кари-и-и-ик! Ва-а-а-а-ля-я! — закричала мама. — Идите обедать!

— Ну как же, — заворчала бабушка, — так они и спешат. Им, поди, не до обеда теперь. Ты обедать их зовёшь, а они, может быть, в затыжные прыжки играют. Им, может, не обед нужен, а «скорая помощь».

— Какие ещё затыжные прыжки? Да и зачем им «скорая помощь»?

— Да мало ли что может случиться с непослушными детьми, — сказала бабушка.

Она взяла клубок шерсти, вытащила из кармана фартука вязальные спицы и длинный недовязанный шерстяной чулок. Спицы засновали в её руках, вытягивая из клубка толстую шерстяную нитку.

— Ты Валерика знаешь? — спросила бабушка.

— Какого Валерика?

— Да один он у нас во дворе... баловник. Сынок управхоза. Ведь что надумал... Достал где-то большой зонтик, устроил из него парашют и сиганул с балкона пятого этажа, как воздушный десантник.

— Ну и что?

— А ничего особенного. Зацепился штанами за трубу и повис вниз головой. Висит и орёт. Вызвали, конечно, «скорую помощь». Врач посмотрел и побежал звать пожарную команду. С полчаса, наверное, висел... Ну, сняли, конечно. А он уж весь синий. Еле дышит. Врач ему и массаж сделал, и укол, а надо бы его ремешком полечить, чтобы не баловался больше. Вот какие они озорные теперь... Когда я была маленькой...

— Ах, — сказала мама, — Карик и Валя не будут прыгать с зонтиком. У нас ведь и зонтика-то нет.

— Ну, знаешь, ребята могут придумать что-нибудь и похуже зонтика. Вон в соседнем дворе один безобразник изобрёл подводную лодку. Сколотил её из бочки и опустился в яму с водой. Хорошо ещё, что погружение это дворник заметил. Еле откачали озорника. А то недавно ещё трое космическую ракету запустили. Одному зубы выбило, а двум другим...

— Нет, нет, — замахала руками мама. — Не надо! И слушать не хочу... Ну что вы, в самом деле, пугаете меня.

И она снова подошла к окну и снова крикнула:

— Карик! Валя! Идите обедать!

— Когда я была маленькой... — начала бабушка.

Мама отмахнулась нетерпеливо:

— Да вы уж сколько раз рассказывали об этом. Они не сказали вам, куда собираются пойти?

Бабушка сердито пожевала губами.

— Когда я была маленькой, — сказала она, — я всегда говорила, куда иду. А теперь такие дети растут, что хотят, то и делают... Хотят — на Северный полюс едут, а то и на Южный... Или, например, передавали недавно по радио...

— Что, что передавали? — поспешно спросила мама.

— А ничего! Утонул какой-то мальчик! То и передавали.

Мама вздрогнула.

— Ну, — сказала она, — это... это вздор! Карик и Валя не пойдут купаться!

— Не знаю, не знаю, — бабушка покачала головой, — купаются они или не купаются, не скажу,

а только давно пора обедать, а их всё нет и нет. Где они?

Мама провела ладонью по лицу. Не говоря ни слова, она быстро вышла из столовой.

— Когда я была маленькой... — вздохнула бабушка.

Но что делала бабушка, когда была маленькой, мама так и не узнала: она уже стояла посреди двора и, шуря глаза от солнца, оглядывалась по сторонам.

Посреди двора, на жёлтой песочной горке, лежал зелёный совочек Вали, рядом валялась выцветшая тюбетейка Карика. И тут же, вытянув все четыре ноги, грелся на солнышке рыжий толстый кот Анюта. Он лениво жмурился и так вытягивал ноги, словно хотел подарить их маме.

— Где же они, Анюта?

Кот сладко зевнул, взглянул на маму одним глазом и перевернулся лениво на спину.

— Ну куда же, куда они делись? — бормотала мама.

Она прошлась по двору, заглянула в прачечную и даже посмотрела в тёмные окна подвала, где лежали дрова.

Ребят нигде не было.

— Ка-ари-ик! — ещё раз крикнула мама.

Никто не отозвался.

— Ва-а-аля! — закричала мама.

«Ав-ав-гав-гав-гау-у!» — взвыло где-то совсем рядом.

В боковом подъезде сильно хлопнула дверь. Во двор, волоча за собой гремящую цепь, выскочила большая остро-мордая собака овчарка.

Жирный кот Анюта одним прыжком взлетел на поленницу дров.

«Тссс! — зашипел он, поднимая лапу. — Прош-ш-шу не ш-ш-шу-уметь!»

Собака гавкнула сердито на Анюта, с разгона взлетела на горку и стала кататься по песку, поднимая густые столбы пыли, потом вскочила, отряхнулась и с громким лаем бросилась на маму.

Мама отскочила в сторону.

— Назад! Нельзя! Пошёл прочь! — замахала она руками.

— Джек! Тубо! К ноге! — раздался из подъезда громкий голос.

Во двор вышел, переваливаясь, толстый человек в сандалиях на босую ногу, с дымящейся папиросой в руке. Это был жилец четвёртого этажа — фотограф Шмидт.

— Ты это что же, Джек? А? — спросил толстяк строго и погрозил толстым пальцем.

Джек виновато вильнул хвостом.

— Экий дурень! — засмеялся фотограф.

Притворно зевая, Джек подошёл к хозяину, присел и, звеня цепью, старательно почесал задней лапой шею.

— Хорошая погодка сегодня, — приветливо улыбнулся толстяк, обращаясь к маме. — Вы не собираетесь на дачу? Самое время теперь — грибки собирать, рыбу ловить.

Мама взглянула на толстяка, на собаку и недовольно сказала:

— Опять вы её, товарищ Шмидт, без намордника выпустили. Ведь она же у вас настоящий волк. Так и смотрит, как бы кого цапнуть.

— Это вы про Джека? — удивился толстяк. — Ну что вы! Мой Джек и ребёнка не тронет. Он смирный, как голубь. Хотите погладить его?

Мама махнула рукой.

— Ну вот, только и дела у меня, что собак гладить. Дома обед стынет, в комнатах не прибрано, а тут ещё ребят дозваться никак не могу... И куда пропали — не понимаю. Ка-а-арик! Ва-а-аля! — снова закричала она.

— А вы приласкайте Джека, попросите его хорошенько. Скажите ему: «Ну-ка, Джек, разыщи поскорее Карика и Валию». Он их мигом найдёт.

Шмидт наклонился к собаке, потрепал её по шее:

— Найдёшь, Джек?

Джек тихонько взвизгнул и, неожиданно подпрыгнув, лизнул фотографа в губы. Толстяк отшатнулся, брезгливо плюнул и вытер губы рукавом.

Мама засмеялась.

— Напрасно смеётесь, — сказал Шмидт. Кажется, он очень обиделся. — Мой Джек — великолепная ищейка. Дайте ему понюхать какую-нибудь вещь Карика или Вали, и он найдёт их, где бы они ни были. Это же премированная ищейка. Он идёт по следам человека, как паровоз по рельсам. Дайте ему что-нибудь: игрушку ребят, рубашку, тюбетейку, — и вы сами увидите, какой он замечательный следопыт.

Мама нерешительно пожала плечами, однако, подумав, наклонилась, подняла с земли зелёный совочек Вали и тюбетейку Карика.

— Ну что ж, — сказала она, — пусть понюхает. Это вещи моих ребят.

— Прекрасно! — потёр руки Шмидт. — Замечательно! Очень хорошо!

Он сунул под нос Джека совочек и тубетейку.

— Ну-ка, Джек, — скомандовал Шмидт, — покажи, как ты умеешь работать. Ищи, Джек! Ищи, собачка!

Джек взвизгнул, пригнул голову к самой земле и, вытянув хвост, побежал по двору широкими кругами.

За ним бодро мчался фотограф.

Добежав до поленницы дров, Джек остановился и вдруг, подпрыгнув, встал на задние лапы, а передние положил на поленницу. Нос Джека очутился перед мордой кота Анюты.

«Р-р-ра-аз-зо-ор-р-ву!» — зарычал Джек.

Кот вскочил, изогнулся в дугу и, сверкнув зелёными глазами, зашипел, как змея: «Меня? Ш-ш-ш-шалиш-ш-ш-шь!»

Джек попытался схватить его за хвост. Кот ощерился и закатил Джеку такую оплеуху, что бедный пёс завизжал от боли и от досады, но тотчас же оправился и с громким лаем снова кинулся на Анюту. Кот зашипел ещё громче, поднял лапу и закричал на своём кошачьем языке: «По-ш-ш-ш-шёл вон! Заш-ш-ш-ш-шибу!»

— Ну-ну, довольно, Джек, — сказал сердито фотограф. — Не отвлекаться! — И он так сильно натянул поводок, что собака присела на задние лапы. — А теперь ищи!

Сердито тьякнув на кота, Джек побежал дальше. Он обежал весь двор, остановился у водосточной трубы и, шумно втягивая ноздрями воздух, посмотрел на хозяина.

— Понятно! Всё понятно, Джек! — кивнул головою фотограф. — Ты хочешь сказать, что они сидели тут и, наверно, играли с Анютой? Прекрасно! Но куда же они пошли отсюда? Ну? Ищи, ищи, собачка!

Джек заюлил, завертелся волчком, поскрёб лапами землю под трубой, потом с громким лаем помчался к парадному подъезду.

— Ага, ага, вы видите? — крикнул Шмидт. — Он уже напал на след.

Шаркая сандалиями, фотограф вприпрыжку побежал за собакой.

— Если найдёте ребят, пошлите их домой! — крикнула мама и направилась через двор к воротам.

«Наверное, они в соседнем дворе», — подумала она и, уже не обращая внимания на Джека и его хозяина, вышла за ворота дома.

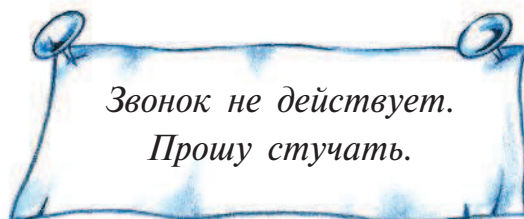
Натягивая с силой цепочку, Джек тащил толстяка по лестнице вверх.

— Тише, тише! — пыхтел толстяк, еле поспевая за собакой.

На площадке пятого этажа Джек на секунду остановился, взглянул на хозяина, потом, отрывисто твякая, бросился к дверям, обитым клеёнкой и войлоком. На дверях висела белая эмалированная дощечка с надписью:

**ПРОФЕССОР
ИВАН ГЕРМОГЕНОВИЧ ЕНОВ.**

Пониже была приколота записка:

Джек с визгом подпрыгивал, царапал когтями клеёнчатую обивку двери.

— Тубо, Джек! Тут просят стучать, а не визжать.

Фотограф Шмидт пригладил ладонью причёску, обстоятельно вытер платком потное лицо, потом согнутым пальцем осторожно постучал в дверь.

За дверью послышались шаркающие шаги.

Щёлкнул замок.

Дверь приотворилась. В щели показалось лицо с мохнатыми седыми бровями и жёлто-белой бородой.

— Вы ко мне?

— Простите, профессор, — смущённо сказал фотограф, — я только хотел спросить вас...

Но не успел толстяк договорить, как Джек вырвал из его рук поводок и, чуть не сбив профессора с ног, бросился в квартиру.

— Назад! Джек! Тубо! — закричал Шмидт.

А Джек уже громыхал цепью где-то в конце коридора.

— Извините, профессор, Джек так молод... Разрешите войти. Я сейчас же уведу его обратно.

— Да, да... Конечно, — рассеянно сказал профессор, пропуская в квартиру Шмидта, — войдите, пожалуйста! Надеюсь, ваша собака не кусается?

— Очень редко! — успокоил профессора Шмидт.

Фотограф переступил порог. Закрыв за собой дверь, он сказал негромко:

— Тысяча извинений! Я на одну минутку... У вас, товарищ профессор, должны быть ребята... Карик и Валя! Со второго этажа...

— Позвольте, позвольте... Карик и Валя? Ну да! Конечно. Прекрасно знаю. Очень славные ребята. Вежливые, любознательные...

— Они у вас?

— Нет! Сегодня их не было у меня.

— Странно! — пробормотал толстяк. — Джек так уверенно шёл по следу...

— А может быть, это вчерашний след? — вежливо спросил профессор.

Но Шмидт не успел ответить. В дальней комнате звонко залаял Джек и тотчас же что-то загремело, задребезжало, зазвенело, как будто на пол упал шкаф или стол с посудой. Профессор вздрогнул.

— Да ведь он перебьёт всё! — закричал он плачущим голосом и, схватив Шмидта за рукав, потащил за собой по тёмному коридору.

— Сюда! Сюда! — бормотал он, толкая дверь.

Как только профессор и фотограф переступили порог комнаты, Джек кинулся хозяину на грудь, взвизгнул и с лаем бросился назад.

Он носился по комнате, волоча за собою цепочку, обнюхивал книжные шкафы, вскакивал на кожаные кресла, вертелся под столом, бестолково бросался из стороны в сторону.

На столе звенели, подпрыгивая, колбы и реторты, качались высокие прозрачные стаканы, дрожали тонкие стеклянные трубочки.

От сильного толчка качнулся, сверкнув на солнце, микроскоп.

Профессор еле успел подхватить его. Но, спасая микроскоп, зацепил рукавом сияющие никелем чашечки каких-то сложных весов. Чашечки упали, подпрыгнули и со звоном покатались по жёлтому паркетному полу.

— Что же ты, Джек, — угрюмо сказал фотограф, — оскандалился? Лаешь, а зря. Ну? Где же ребята?..

Джек наклонил голову набок. Насторожив уши, он внимательно смотрел на хозяина, стараясь понять, за что же его ругают.

— Стыдно, Джек, — неодобрительно покачал головой фотограф, — а ещё ищайка! С дипломом! За кошками тебе гоняться, а не по следу идти! Ну, пошли домой! Извините великодушно, товарищ профессор, за беспокойство!

Фотограф неловко поклонился и шагнул было к двери. Но тут Джек словно взбесился. Он схватил своего хозяина зубами за брюки и, упираясь лапами в скользкий паркетный пол, потащил к столу.

— Да что с тобой? — удивился толстяк.

Повизгивая, Джек снова принялся бегать вокруг стола, а потом прыгнул на диванчик, который стоял перед открытым окном.

Положив лапы на подоконник, он коротко, отрывисто залаял.

Шмидт рассердился.

— Тубо! К ноге! — закричал он, хватая собаку за ошейник, но Джек упрямо мотнул головой и снова бросился к дивану.

— Ничего не понимаю! — развёл руками фотограф.

— Наверное, мышь за диваном! — попробовал догадаться профессор. — А может, корка хлеба завалилась или кость?